

Юлия Егорова
ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0001-6037-0466>
(Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук, Москва, Россия)

Трансформация образа женщины в раннем творчестве М. Горького

Transformation of the woman’s image in the early works of M. Gorky

Резюме: Тема женщины, её места и роли в жизни каждого человека довольно рано стала волновать Горького. Корни этого уходили в детство, когда мать, обвинив сына в смерти мужа, оставила ребёнка на попечение престарелых родителей. Во взрослой жизни Горький также не раз сталкивался с неоправданно жестоким отношением к женщине. Путешествуя по России, он неоднократно наблюдал публичные постыдные сцены избивания мужьями жён, сопровождавшиеся грязными оскорблениями в их адрес. Так называемые „выводы” или „выволочки” были нормой жизни и едва ли не главным „развлечением” среди малограмотного населения деревень, сел и маленьких уездных городков. Горький всегда вставал на защиту униженных. Этим можно объяснить присутствие женской линии практически в каждом его произведении.

Ключевые слова: Горький, тема женщины, образ женщины, трансформация

Summary: The theme of a woman, her place and role in everyone’s life, began to worry Gorky quite early. The roots of this concern go back to the writer’s childhood, when the mother, accusing her son of the death of her husband, left the child in the care of her elderly parents. In adulthood, Gorky also repeatedly experienced an unjustifiably cruel attitude towards women. Traveling across Russia, he repeatedly observed public shameful scenes of wives being beaten by their husbands, accompanied by dirty insults against them. Those so-called “vyvody” or “vyvolochki” (drags) were the norm and almost the main “entertainment” among the illiterate population of villages, the countryside and small district towns. Gorky always stood up for the humiliated. This can explain the presence of a female-related thread in almost each of his works.

Key words: Gorky, the theme of women, the image of women, transformation

Женская тема в творчестве Горького занимает особое место. Причина этого уходит корнями в детство писателя. В 3-летнем возрасте маленький Алексей заболел холерой, отец заразился от него и вскоре умер. Эта потеря наложила отпечаток на всю жизнь Горького и испортила отношения с матерью. В смерти любимого мужа она обвиняла сына и „всегда была обращена к мальчику темным, железным лицом” (Хьетсо 1997: 9). По возвращении после похорон из Астрахани в Нижний Новгород мать отдала Алёшу на воспитание бабушке и дедушке. Порки по выходным, жестокость и насилие были нормальным явлением в этом доме. Доставалось не только

Алёше, его дядя методично издевались над своими женами. Он видел их боль и чувствовал ненависть, царящую в доме. Довольно рано мальчик ощутил несправедливость и унижение наказаний. В дальнейшем тема жестокого отношения к детям, побоев и издевательств над женщинами найдёт отражение во многих произведениях Горького.

Единственным близким человеком, дорогим другом, светлым и добрым, была бабушка Акулина. Её Алексей Пешков запомнит на всю жизнь. Её беззаветная и бескорыстная любовь к миру и всему живому обогатила душу ребёнка, научила находить и верить в прекрасное. Бабушка была религиозным человеком, но отношение к Богу у неё было особенное: по вечерам она беседовала с ним, рассказывала обо всём, что происходило за день, советовалась, в молитве просила в первую очередь за других, себя упоминала в конце. В отличие от строгого, требовательного, карающего и жестокого Бога дедушки, Бог бабушки был добрым другом всему живому. Бабушка Акулина была прекрасной рассказчицей и исполнительницей народных песен. Особенно Алёше нравились стихи о Богородице. В дальнейшем знакомство с русским фольклором, мечта о справедливом устройстве жизни и вера в светлое будущее найдут отражение в творчестве Горького и сделают его романтиком.

Приблизительно в возрасте 20 лет Алексей Пешков отправился в хождения по Руси в поисках веры, Бога, жизненных ориентиров и ценностей (Егорова 2014: 34–42). За время странствий молодой человек обошёл почти всю центральную часть и юг России. Он многое видел и пережил, знакомился с разночинным людом, имел возможность изнутри рассмотреть жизнь российской глубинки, что впоследствии нашло отражение в сюжетах его произведений. Так, сначала в Курске, а позже – в селе Кандыбовка Алексей наблюдал публичные истязания „провинившихся жен”. Зрелище отвратительных, унижительных и жестоких выволочек женщин произвели на молодого писателя сильное впечатление. На основе этих событий появился очерк *Вывод* (1895) (Горький 1969а: 57–60). Быт, нравы и уклад провинциальной жизни нашли отражение в рассказах: *Однажды осенью* (1895) (Горький 1969: 48–56), *Женщина с голубыми глазами* (1895) (Горький 1969б: 325–337), *Двадцать шесть и одна* (1899) (Горький 1969в: 325–337) и др. Перед читателем выстраивается цепочка женских образов: гулящая девица Наташа, избитая своим „кредитным” клиентом булочником Пашкой; маленькая нагая безымянная женщина из очерка *Вывод*, публично избиваемая мужем за измену; женщина с голубыми глазами из одноименного рассказа, вдова с двумя детьми, ставшая проституткой „по нужде”; обманутая пекарем горничная Таня, поруганная и выставленная на смех. Все они безропотные жертвы обстоятельств, сложившегося веками уклада жизни, предрассудков и традиций. Избиваемые мужьями или приятелями, поруганные, надломленные предательством, брошенные „на дно”, они чувствуют себя лишними. Физические истязания и жестокие превратности судьбы лишают их человеческого облика:

... синяки были расположены с замечательной пропорциональностью – по одному, равной величины, под глазами и один – побольше – на лбу <...> В этой симметрии была видна работа артиста, очень изощрившегося в деле порчи человеческих физиономий” (Горький 1969: 49); „К передку телеги привязана веревкой за руки маленькая, совершенно нагая женщина <...>. <...> её голова

<...> откинута назад, глаза широко открыты, смотрят вдаль тупым взглядом, в котором нет ничего человеческого. Всё тело её в синих и багровых пятнах, <...> левая упругая, девическая грудь рассечена, и из неё сочится кровь <...>. <...> должно быть, по животу женщины долго били поленом, а, может, топтали его ногами в сапогах – живот чудовищно вспух и страшно посинел” Горький 1969а: 57); „<...> женщина с голубыми глазами ухватила левой рукой за волосы другую женщину, притянула её к себе и <...> беспощадно, частыми ударами била её по испуганному, уже вспухшему от ударов лицу. Голубые глаза теперь были жестоко прищурены, губы плотно сжаты, от углов их к подбородку легли резкие морщины, и лицо его знакомой <...>, теперь было беспощадно-злозверское, – лицо человека, готового бесконечно долго истязать себе подобного, и истязать с наслаждением (Горький 1969б: 333).

Единственное избавление от „издевательств жизни” они видят в смерти: «Хоть бы сдохнуть, что ли... – проговорила Наташа» (Горький 1969: 52).

Увиденное за годы странствия производило тяжелое впечатление на Алексея Пешкова. Он пытался понять, как Бог допускает такую жестокость и несправедливость. Драматические события личной жизни, предшествующие периоду хождения, тяжелые впечатления от увиденного совпали с духовным кризисом, поисками Бога и новых ориентиров. Пешков отправился в паломничество по святым местам с целью найти ответы на мучившие его вопросы. Однако ни странствия, ни беседы с монахами не принесли облегчения. Напротив, всё пришло к тому, что под влиянием впечатлений он

... поставил перед собой вопрос о Боге уже не как творце людей, а как создателе вселенной и владыке сил, враждебных <...> человеку: зноя, холода, ветра, как о хозяине, распределившем блага земли мучительно неравномерно: здесь – плодородный чернозем, а для других бесплодный камень, солончаки, известковые породы, песок (Архив Горького).

Поиски собственной правды, смысла жизни и места Бога в мире многократно усилили интерес молодого человека к книгам. В период 1890–1900-х гг. Алексей Пешков познакомился с трудами по истории философии и книгами зарубежных мыслителей: Д. Селли, Э.-М. Каро, В. Штейна и др. Его увлекло изучение природы и ее законов, проблем социума, общественной жизни и человека. Писатель пытался найти причины страданий человечества и пути избавления от них, новую веру и собственную эстетику. Благодаря знакомству с трудами классиков философии, естествознания, эстетики и литературы А. Пешков стал остро ощущать массовое измельчание литературы, идеологии и культуры. Он чувствовал необходимость в экстренных переменах внутри себя и в литературе. Он чувствовал, что назрела необходимость в новом герое, способном противостоять всем мерзостям жизни. Несмотря на сложный и мучительный период поисков собственной правды, тема женщины продолжала занимать А. Пешкова. В письме Е.П. Волжиной от 29 июля 1896 г. он писал:

Про меня говорят, Катя, что я слишком увлекаюсь женщинами. <...> Встречаясь со мною, они видят во мне романтика-бродягу, вечно всем и всеми недовольного, вечно чего-то тоскливо ищущего и всегда воспевающего женщин, всегда полного чувством благоговения к ним за нежность их души, за красоту их тела и мягкость их ума. Они горды и честолюбивы, как все люди. (Горький 1997: 191–192).

В декабрьском письме А.П. Чехову 1898 г. Горький впервые выразил свои требования к современной литературе. Ему хотелось, чтобы литература стремилась «трактовать вопросы коренные, вопросы духа», была проникнута реализмом, возвышающимся «до одухотворенного и глубоко продуманного символа», поднимала человека «от реальностей до философских обобщений» (Горький 1997а: 294–295). Всё это нашло отражение в сборнике *Очерки и рассказы* (1898 г.). Наступившее столетие Горький провозгласил веком личности и активной деятельности во благо всех людей земли. Именно такую личность он считал величайшей ценностью:

Личность, человек – вот она драгоценнейшая наша реальность. Личность чувствует себя совершенно правильным выводом из посылок прошлого и необходимейшей посылкой в будущее. Личность ощущает себя в центре жизни, в середине ее потока, она мужественно сознается в ограниченности своих личных сил, она мыслит чувствует исторически, знает, что ее бытие обусловлено именно в тех формах, в той среде, в коих она существует и которые она призвана расширить, изменить, сделать более удобной для живых людей, идущих вслед за нею, личностью, творящей новые формы жизни. Она – всегда активна, ибо насыщена живой силой прошлого – психической энергией человечества (Горький 2001: 60).

Новым героем Горького стал Человек, который, по мнению писателя,

...должен уважать себя, должен гордо говорить всем и каждому: я таков же, как и ты, я во всем равен тебе, я имею право жить так же хорошо, такой же полной жизнью, как и ты (Горький 1997б: 53).

Эта мысль окрасила все дальнейшее творчество писателя и наиболее ярко отразилась в повести *Мать*. Данное произведение занимает особое место в наследии Горького, поскольку в нем писатель по-новому пытался осмыслить действительность, используя для этого новые приемы изображения.

Назвав повесть *Мать*, – считает Л. Спиридонова, – писатель тем самым заявил о намерении поставить в центр повествования фигуру женщины из народа, чья материнская любовь способствует её духовному обновлению. Большинство событий в повести показано сквозь призму мирозерцания Ниловны. (Спиридонова 2004: 88).

Писатель впервые представил фигуру новой женщины, матери, „«невинно убиенной» и воскресшей”, как назвал её В. Львов-Рогачевский (Львов-Рогачевский 1907: 76–79). В отличие от женских образов ранних рассказов – пассивных жертв обстоятельств, уклада жизни, традиций, Ниловна стала добровольной жертвой во имя лучшей жизни человечества. Она всецело приняла и посвятила себя служению новой вере сына и его друзей. Горький возвёл её духовный подвиг на должную высоту: образ Ниловны проецируется на образ Богоматери, а Павла и его друзей – на Христа и святых апостолов новой веры.

В повести *Мать* Горький изменил привычный уклад жизни женщины, напомнил о ее особом предназначении в мире. Идея внутреннего совершенствования и духовного возрождения женщины, обретение ею иного, более высокого статуса стало неотъемлемой частью новой системы ценностей Горького.

Тема женщины и её роли в обществе прошла через всё творчество писателя. Как художник, Горький освещал её в художественных произведениях, как общественный деятель – в публицистике. В разные годы он посвятил этой теме не одну статью и написал не одно воззвание. В 1931-м году у Горького появился замысел создания серии *История женщины*, посвященной женскому вопросу. В 1933 году он приступил к его воплощению, однако реализовать задуманное в полной мере Горькому так и не удалось.

Источники:

Архив Горького, ПГ-рл-19-25-1.

Горький М., 1997а, Письмо А.П. Чехову декабрь, после 8, [в:] Idem, *Полное собрание сочинений в 24 томах*, Т. I, Москва.

Горький М., 2001, Письмо Л.А. Никифоровей, конец марта 1910, [в:] Idem, *Полное собрание сочинений в 24 томах*, Т. 8., Москва.

Горький М., 1997, Письмо, Е.П. Волжиной 29 июля 1986, [в:] Idem, *Полное собрание сочинений в 24 томах*, Т. I, Москва.

Горький М., 1997б, Письмо П.А. Травину апрель – после 25, май, [в:] Idem, *Полное собрание сочинений в 24 томах*, Т. 3, Москва.

Литература:

Быстрова О.В., 2007, „История женщины” - неосуществленный замысел Горького [w:] *Публицистика М. Горького в контексте истории*, ред. Спиридонова Л.А., Москва, s. 483-539.

Горький М., 1969, *Однажды осенью* [в:] Idem, *Полное собрание сочинений. Художественные произведения в 25 тт.*, Т. 2, Москва, s. 48–56.

Горький М., 1969а, *Вывод* [в:] Idem, *Полное собрание сочинений. Художественные произведения в 25 тт.*, Т. 2, Москва, s. 57–60.

Горький М., 1969б, *Женщина с голубыми глазами* [в:] Idem, *Полное собрание сочинений. Художественные произведения в 25 тт.*, Т. 2, Москва, s. 325–337.

- Горький М., 1969в, *Двадцать шесть и одна* [в:] Идем, *Полное собрание сочинений. Художественные произведения в 25 тт.*, Т. 5, С. 7–22
- Егорова Ю.М., 2014, *Хождения по Руси в становлении мировоззрения М. Горького* [в:] *М. Горький и Россия. Горьковские чтения 2012 года: Материалы XXXV Международной научной конференции*, Нижний Новгород, с. 34–42.
- Львов-Рогачевский В., 1907, „Образование” №11, С. 76–79.
- Спиридонова Л.А., 2004, *М. Горький: Новый взгляд*, Москва.
- Хьетсо Г., 1997, *Максим Горький. Судьба писателя*. Москва.

Sources:

- Arkhiv Gor'kogo, PG-rl-19-25-1.
- Gor'kiy M., 2001, Pis'mo L.A. Nikiforovey, konets marta 1910, [in:] Идем, *Polnoye sobraniye sochineniy v 24 tomakh*, Vol. 8., Moskva.
- Gor'kiy M., 1997, Pis'mo, Ye.P. Volzhinoy 29 iyulya 1986, [in:] Идем, *Polnoye sobraniye sochineniy v 24 tomakh*, Vol. I, Moskva.
- Gor'kiy M., 1997a, Pis'mo A.P. Chekhovu dekabr', posle 8, [in:] Идем, *Polnoye sobraniye sochineniy v 24 tomakh*, Vol. I, Moskva.
- Gor'kiy M., 1997b, Pis'mo P.A. Travinu aprel' – posle 25, may, [in:] Идем, *Polnoye sobraniye sochineniy v 24 tomakh*, Vol. 3, Moskva.

References:

- Bystrova O.V., 2007, „Istoriya zhenshchiny” - neosushchestvlenyy zamysel Gor'kogo [in:] *Publitsistika M. Gor'kogo v kontekste istorii*, Spiridonova L.A. (ed.), Moskva, pp. 483–539.
- Gor'kiy M., 1969, *Odnazhdy osen'yu* [in:] Идем, *Polnoye sobraniye sochineniy. Khudozhestvenn-yye proizvedeniya v 25 tt.*, Vol. 2, Moskva, pp. 48–56.
- Gor'kiy M., 1969a, *Vyvod* [in:] Идем, *Polnoye sobraniye sochineniy. Khudozhestvenn-yye proizvedeniya v 25 tt.*, Vol. 2, Moskva, pp. 57–60.
- Gor'kiy M., 1969b, *Zhenshchina s golubymi glazami* [in:] Идем, *Polnoye sobraniye sochineniy. Khudozhestvenn-yye proizvedeniya v 25 tt.*, Vol. 2, Moskva, pp. 325–337.
- Gor'kiy M., 1969v, *Dvadsat' shest' i odna* [in:] Идем, *Polnoye sobraniye sochineniy. Khudozhestvenn-yye proizvedeniya v 25 tt.*, Vol. 5, pp. 7–22
- Kh'yetso G., 1997, *Maksim Gor'kiy. Sud'ba pisatelya*. Moskva.
- L'vov-Rogachevskiy V., 1907, „Образование” No11, pp. 76–79.
- Spiridonova L.A., 2004, *М. Горький: Novyy vzglyad*, Moskva.
- Yegorova Yu.M., 2014, *Khozhdeniya po Rusi v stanovlenii mirovozzreniya M. Gor'kogo* [in:] *М. Горький и Россия. Горьковские чтения 2012 года: Materialy XXXV Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*, Nizhniy Novgorod, pp. 34–42.